

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики - доктор Шавич

Истории от доктора

Окончание

Начало в № 7, 8, 10, 12 – 2024, № 2 – 2025

Глава 12

– Давай немного передохнём и что-нибудь поедим, – я не знала, где мы точно находимся, но, увидев впереди небольшую рощицу на высоком холме, решила, что пора сделать остановку. Мы расположились на скамейке под старым раскидистым деревом, укрывшись в его тени. Дерево настолько древнее, что даже иголки, падающие вниз, были седые. Но нам хорошо под его кронами. Спокойно. Якоби лежит, положив голову мне на колени и похоже дремлет. Дыхание становится ровным, он улыбается во сне. Иногда появляются лёгкие морщинки, наверное что-то приснилось. Я понимаю: он устал, он ещё не совсем окреп после ранения. А мы сегодня уже несколько часов в пути. И ещё не знаем, где будем ночевать. Я глажу его голову, провожу по волосам, касаюсь кончиками пальцев его лица и понимаю, что очень счастлива. Тихим, спокойным, женским счастьем.

Когда Якоби предложил взять на несколько дней отпуск и показать мне свой Израиль, я по правде сказать была на распутье, нужны ли мне эти дополнительные эмоции. Не будет ли ещё одна поездка по стране за короткое время пресыщением от увиденного.

– Не волнуйся, это будут совсем другие города, – Якоби успокаивающе улыбнулся. – Это будут «мои города», места боевой славы, – он смущённо рассмеялся. – Давай, я познакомлю тебя со своими друзьями. Хочешь?

Я поняла. Это нужно ему. Он хочет набраться сил от воспоминаний молодости. От своих товарищей, с которыми воевал. От тех мест, где пришлось многое пережить. И быть со мной. Наедине.

И я, конечно же, хотела. Узнать его ещё ближе, посмотреть на него глазами близких ему людей, увидеть страну через его ощущения и переживания. В конце концов я просто хотела быть с ним рядом. Не важно, где и когда, главное быть рядом. Мы почти не заезжали в крупные города, всё больше какие-то небольшие поселения с труднопроизносимыми названиями, разбросанные по всей стране. Мы не строили планы, ночевали у его друзей, купались в море и много кушали. Неделя израильского гостеприимства – это надо пережить. И выдержать. Особенно желудку. Я видела, с какой радостью нас встречали его друзья, как за считанные часы по звонку приезжали несколько семей из разных уголков страны, чтобы снова собраться вместе, увидеться и поговорить. Какие это были хорошие и светлые люди! Я видела еврейских, или скорее израильских женщин. Жён, матерей, подруг. Я понимала, что наши встречи – это ещё и такие импровизированные смотрины. И для них, и для меня. И я замечала, с какой гордостью Якоби знакомил меня со своими друзьями. И как они

были рады видеть своего товарища снова улыбающимся и счастливым.

Мне кажется, я всё поняла. Все разбросанные детали мозаики стали на свои места. Я постигла смысл происходящего со мной за эти месяцы. Вот она – моя последняя лебединая песня, прощальный глоток женского счастья. Ну что ж, теперь я готова. Госп-ди, спасибо, что Ты дал мне на прощание эти незабываемые несколько дней, этих людей, эту удивительную страну. И нашу неделю – самое счастливое время, отпущенное мне Тобой.

☆☆☆☆☆☆

Иногда мне кажется, что Израиль – это женщина. Во всяком случае, так я себе его представляю.

Только женщина способна настолько любить и оставаться такой верной. Чувствовать, страдать, всё понимать и принимать, прощать и несмотря ни на что любить может только она. Только женщина может быть одновременно и слабой, беззащитной, и невероятно сильной. Настолько, что ею невозможно овладеть без её согласия. Зато по любви она отдаст своему избраннику всё. До последней капельки. До последней улыбки на лице. Отдаст всё, что есть, всё, на что способна, без остатка. До доньшка. Такую душу может иметь лишь женщина.

И только женщину можно так беззаветно и страстно любить. Только она способна вызывать подобные чувства. И только женщину можно любить всю жизнь. Жить с другими, влюбляться, изменять, уходить от неё и снова возвращаться. Но всю жизнь по-настоящему любить только её одну. Единственную.

И своих детей может так оберегать и боготворить только мать. Даже незаслуженно, даже вопреки здравому смыслу, даже без взаимности. Убогих, больных, несчастливых. Только мать.

Иногда мне кажется, что Израиль – это женщина.

Как и Б-г.

☆☆☆☆☆☆

Если оглянуться назад на жизнь и подумать как на исповеди, что бы ты хотела изменить в прошлом, если бы такая возможность была. Что лучше, если ты взяла от жизни всё, что могла, многое повидала и немало испытала и может даже превысила это непонятно откуда взявшееся среднестатистическое количество мужчин. Если множество раз влюблялась сама и ещё большее число раз была любимой. Без сожаления предавать, бросать и уходить не оглядываясь. И быть самой неоднократно преданной и брошенной. Испытывать сильные, настоящие чувства, но чаще только имитировать их. Или всё это не стоит того одного, самого лучшего, нет, того единственного мужчины. С которым, как в сказке, хочется прожить всю жизнь вместе и умереть в один день. Вместе засыпать и просыпаться, дышать одним воздухом, рожать и воспитывать детей, вместе переживать взлёты и падения, всю жизнь прожить глаза в глаза. Чтобы и муж, и друг, и любовник. Лучше быть безгранично любимой или любить самой так сильно, что готова ради этого чувства на всё? Если представить, что тебе предоставят возможность всё изменить, то как поступить, что выбрать?

Вы знаете это?

Раньше я думала, что не знаю, но теперь...

Женщины всегда сравнивают. Так как у меня в жизни не было большого опыта, то я пыталась понять свои чувства и то восхитительное, что зарождалось во мне, невольно сравнивая со своим бывшим мужем – моей пока единственной сильной любовью. С ним я была, как маленькая планета, вращающаяся рядом, или на самом краю огромной Вселенной, населённой мелькающими огромными кометами и астероидами. Они появлялись такие яркие, сильные, притягивающие. Но пролетев мимо, исчезали, а я снова оставалась одна, на время опалённая их ярким свечением. Одна со своими воспоминаниями, обидами и прощениями. Я двигалась по очень вытянутой эллипсоидной орбите, то приближаясь к центру Вселенной, почти сгорая от счастья, то отдалялась на немыслимые расстояния, замерзая в холодном тёмном одиночестве. Мне никогда не было с мужем скучно, но и никогда не было просто и спокойно. Находиться рядом с кометами, яркими, как солнце, не может быть легко.

С Якоби всё было по-другому.

Я сама была его Вселенной, центром его мироздания, его звездой, вокруг которой вращался этот гигант – огромная планета чувств, эмоций, восхищения и душевных порывов. С ним я жила своей настоящей жизнью, дышала полной грудью, наслаждаясь каждым мгновением. Без страха и ожидания предательства. Доверяя с закрытыми глазами. Пусть это звучит банально и хрестоматийно, но он был тем самым плечом, на которое можно было опереться и той самой стеной, за которую можно было спрятаться от невзгод. Это была другая любовь, другие чувства, другой уровень восприятия отношений между мужчиной и женщиной. Я стала раскрепощённой во всех смыслах и даже в постели, порой удивляясь сама себе и тому, на что оказывается было способно моё тело. Его новым неизведанным за всю мою долгую жизнь ощущениям. Порой я даже испытывала чувство гордости по этому поводу. Во мне проснулась настоящая женщина. Я была счастлива, мне снова хотелось жить, несмотря ни на что. Я так хотела, чтобы это наваждение и этот полёт не заканчивались никогда.

Глава 13

– Солнышко, что случилось? Ты почему не спишь? – Якоби сонно погладил меня по руке, поцеловал и, получив ответа, снова уснул. А я проснулась от того, что мне было жутко нехорошо – меня тошнило и рвало, живот странно горел и болело в спине. Это началось пару недель назад. И совершенно внезапно. У меня тянул живот, болела грудь и периодически тошнило. Но так плохо, как сейчас, не было никогда. Как обидно, но это же должно было когда-нибудь начаться, так что какая разница когда. Тем более всё, как и предсказывала доктор Ледок: максимум девять месяцев. Что делать? Срочно лететь во Францию или идти к врачу здесь? С кем поговорить, кому открыться? Не знаю. Нет, Якоби я не скажу ни за что. Пусть он лучше думает, что я улетила домой по своим делам и не вернулась, чем видит меня больной,

беспомощную и некрасивую. Я слишком его люблю, чтобы заставить так страдать. И его матери я говорить не стану. Она всё равно расскажет сыну.

– Девочка, у тебя всё в порядке, ты здорова? – утром в субботу мы всегда завтракали у неё, и она расстроилась, когда я не стала ничего есть. Эливет потрогала мой лоб, поцеловала в щёку, потрепала по плечу, улыбнулась и побежала дальше по своим делам.

Мне становилось с каждым днём всё хуже, и я решила брать билет домой во Францию. Там, мне казалось, будет легче всё перенести.

– К сожалению могу предложить места в самолёте только через неделю, – девушка в бюро была бы рада помочь, но свободных билетов на более ранние рейсы не было. Я металась в отчаянии, не зная, что делать. Может, всё рассказать Якоби? Нет! Он будет страдать, пытаться что-то предпринимать, искать выход. Но мне всё это не нужно. Я хочу покоя, заботливых рук и тихой музыки. А он не сдастся, будет бороться до последнего. Не хочу! Не надо!

До вылета оставалось семь дней, и я в конце концов осмелилась обратиться с просьбой помочь мне к русской девушке, работающей в отеле, с которой у меня сложились приятельские отношения. Я придумала какой-то незначительный повод. Она дала слово, что никому ничего не расскажет, и посоветовала своего собственного гинеколога.

– Он, правда, из бывших советских, но в стране уже давно. И вообще, по-моему, он человек неплохой и доктор толковый. К тому же он и приём ведёт, и в больнице работает, и даже роды принимает. Идите, не пожалеете.

При чём здесь роды, к чему мне это знать! Но девушка сама позвонила врачу, и мне назначили дату приёма уже на послезавтра.

Доктор оказался полным лысеющим мужчиной, наверное слегка за пятьдесят, приятный, внушающий доверие и с хорошим чувством юмора, что мне особенно импонировало.

Хотя, какое это имело сейчас значение...

– Ну, мадемуазель Лапинье, прошу, проходите, посмотрим, что там у нас с Вами случилось такое срочное, что подняли на ноги пол-Израиля.

Наверное, хорошие доктора во всём мире очень похожи между собой. Кажется, мне снова повезло. Лишь бы помог.

– Я вообще-то мадам, – смущённо и некстати пролепетала я и пошла готовиться к осмотру.

– Так когда, говорите, у Вас были последние месячные? – ну, конечно, и тут тоже самое. Что они сговорились все, что ли!

– Понимаете, я была в начале года у врача во Франции, и она мне сказала... В общем, дала понять, что скоро... Доктор, скажите, эта штука уже большая выросла?

Врач странно посмотрел на меня, потом тоже что-то долго рассматривал на экране, хмурил лицо и брови, поправлял очки и профессионально ощупывал живот. Затем опять-таки странно заулыбался и, повернув ко мне ультразвуковой аппарат и показывая на экран, рассмеялся.

– Штука эта, как Вы, дорогая моя, говорите, выросла большая, недель на двенадцать. И уже двигается. И сердце

бьётся. И, если мне не изменяют мои немолодые глаза, то у этой штуки, как Вы её изволили назвать, ничего не видно между ножек. Так что радуйтесь, голубушка, девка у Вас будет, девка. Девочка, девчоночка, девушка-красавица, – он стал фальшиво напевать, – с чем Вас и поздравляю.

Что? Что он говорит? Он сошёл с ума, или я ослышалась? А может, я плохо поняла по-английски. Какая девка, ничего не соображаю.

– Доктор, Вы не могли бы мне ещё раз объяснить, как там моя опухоль? Что Вы там нашли? Она сильно выросла? Скажите, сколько мне ещё осталось, доктор?

– Ну, я, знаете ли, уважаемая, не математик, но попытаюсь всё-таки произвести это сложное вычисление в уме, – он снова заразительно засмеялся, – к тому же, я не Госп-дь Б-г, а обычный среднестатистический гинеколог. Но осталось, непонятливая Вы наша, примерно, двадцать восемь недель, плюс-минус пару дней, конечно.

– Подождите, доктор, а опухоль? Как там злокачественная опухоль, которую у меня нашли несколько месяцев назад во Франции? Выросла? – я была близка к помешательству.

Он снова надел очки, с лёгким недоумением уставился на экран, долго водил зондом у меня в животе, хмурился, улыбался, чмокал губами и покашливал.

– Я, к сожалению или к счастью, не французский врач, но и мы тоже, так сказать, не пальцем... извините. Короче, готов поспорить на свой белый халат, что никакой опухоли у вас не было и нет. Конечно, Вы у нас, мадам Лапинье, девушка не молодая, да и токсикоз – штука малоприятная. Но рожать красиво можно и в сорок пять. И я снова-таки готов поспорить с моей французской коллегой на... (если она, конечно, симпатичная), на сто поцелуев, что Вы, мадам Лапинье, во-первых, уже точно не мадемуазель, – доктору было заметно весело, – а во-вторых, совершенно здоровая женщина. Были, есть и, надеюсь, будете. Ваш временный психоэмоциональный, пардон, дисбаланс не в счёт.

Наверное, у меня было не совсем вменяемое выражение лица и перепуганный вид.

– Ну что, будем рожать! И в следующий раз, кстати, приводите с собой Вашего юношу – виновника торжества. Пусть полюбуется на творение своих... э-э-э... рук, пардон ещё раз, – доктор рассмеялся и отправил меня одеваться.

– Подождите, доктор, так что, я беременна и у меня будет девочка?

– Девочка, девочка. Был бы мальчик, назвали бы Германом в мою честь. А так, ищите женское имя. Нужна будет помощь, обращайтесь, я большой специалист придумывать детские имена.

Госп-ди, неужели всё-таки мадам Ледок ошиблась, и опухоли не было? Не может быть. И что он сказал: девочка... беременна... Я сидела уже долго в кабинке для переодевания, не в состоянии соображать и двигаться.

☆☆☆☆☆☆

Я стою в переходе, соединяющем репетиционные помещения с главной сценой, и готовлюсь к выходу в следующем танце. Все бегают вокруг, суетятся, толкаются, кричат. Всё очень волнительно и необычно. Одна я остаюсь спокойной и сдержанной. Я уверена, что сегодня выступлю замечательно. Просто день такой особенный и светлый. Второй режиссёр, проходящий мимо, смотрит на меня удивлённо и спрашивает, почему я обнажённая. И как я буду танцевать «Белого Лебедя» с таким большим животом. Я удивлена, а мой партнёр берёт меня за левую руку и отвечает, что такое иногда случается и у прекрасных белых птиц. Любовь называется. И смеётся так радостно. Все начинают подходить, спрашивать, правда ли, что я беременна. Мне неловко, что на мне нет одежды, я растеряна и не знаю, что отвечать. А главное, я переживаю, как мой партнёр меня будет поднимать такую тяжёлую. Жалко его. И странно, что у него костюм с лёгким синим оттенком, вместо золотого. А он смеётся и шутит, что своя ноша не тянет, а синий цвет идеально подходит к моим глазам. И заботливо кружится вокруг меня. Я удивляюсь, так я беременна и от него?! «Ну, конечно, – шепчет он счастливым голосом, – я же твой принц». Тут объявляют наш выход, мы настраиваемся и выбегаем на сцену. И всё так легко и радостно. Мы танцуем восхитительно, как никогда в жизни. А затем нескончаемые аплодисменты, зал рукоплещет стоя, кто-то кричит «Браво!»... и голос сквозь сон:

– Госпожа Висташи, просыпайтесь, операция закончилась, всё прошло хорошо. Поздравляю, у Вас, как я и обещал, девочка. Три четыреста пятьдесят. Красотка, вся в маму. А ещё пухленькая и лысенькая, наверное в доктора. Просыпайтесь, мадам, теперь у Вас всё будет хорошо. Вас ждут великие дела. Просыпайтесь.

Ваш доктор Шаевич